

22 июня 1979 г. «ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ».

Николай
БАННИКОВ

ОБ АННЕ АХМАТОВОЙ

К 90-летию со дня рождения

Неповторимый, в высшей мере оригинальный образ Анны Ахматовой, в котором с такой пластичкой и выразительностью слились личность и судьба, — этот образ волновал, тревожил и трогал многие тысячи ее читателей-современников. Ее стихи с жадностью читают и ныне, читают новые поколения, уже отдаленные от поэта дистанцией десятилетий. Все говорит о том, что поэтическое наследие Анны Ахматовой выдерживает испытание временем, и останется не только примечательной страницей в истории литературы, но и живым, воздействующим на сердца и воображение людей истинным искусством. Исследователям предстоит много работы и по воссозданию биографии поэтессы, и по освещению эволюции ее творчества. Наши литературоведы сделали в этом отношении пока что лишь первые шаги. Немало загадочного, невыясненного заключено и в вопросе о самом генезисе, становлении поэтического стиля Анны Ахматовой.

Личность Анны Ахматовой феноменальна. Ни кому из женщин в русской поэзии до нее не дано было выступить с такой убеждающей лирической силой, выступить столь самостоятельно, что голос ее навсегда внес особую — ахматовскую — ноту в искусство русского поэтического слова. Ахматова одержала победу в состязании с многими поэтами начала двадцатого века, считавшимися тогда корифеями поэзии и занимавшими ее авансцену. Слово Ахматовой с течением лет не тускло. Все случайности обстоятельств, при которых это слово рождалось, не убивали его в поле времени, как это происходит с иными поэтами. И графиня Ростопчина, и Каролина Павлова, и Юлия Жадовская, и Мирра Лохвицкая — все русские поэтессы девятнадцатого века являлись собой как бы только подлесок среди могучих деревьев, среди великанов русской поэзии. Ахматова первой из женщин поднялась к вершинным достижениям лирики («Я научила женщин говорить», — сказала она еще в тридцатых годах, имея в виду то небывалое бурное развитие женского поэтического творчества, которое началось в нашем столетии и в котором влияние Ахматовой, ее пример играли не последнюю роль).

Глубокий психологизм стихов Ахматовой по своему характеру с самого начала не совпадал с руслом русского символизма и акмеизма. Несмотря на горячую и высокую оценку «Кипарисового парца» со стороны Ахматовой, следы уроков поэзии Иннокентия Анненского в ее творчестве еле уловимы: оно складывалось вполне самостоятельно. Воздействие Александра Блока было самым общим. Конечно, в глазах Ахматовой он был среди ее современников высшим воплощением поэзии и первой фигурой в ней, и его многогранные строфы не могли не питать мысль Ахматовой. Но кто решится утверждать, что Блок был ее поэтическим лидером?

Уже в двадцатых годах в общих чертах было сформулировано положение о корнях психологизма стихов Анны Ахматовой в русской прозе, в русском романе прошлого века. Этот сложный процесс взаимодействия и претворения до сих пор никем

основательно не исследован и не опровергнут, но, по видимому, только здесь лежит возможность объяснения генезиса поэзии Ахматовой. Это отнюдь не отменяет нашей обязанности пристальнее и зорче всмотреться и в старую русскую поэзию. Русская поэзия полна всевозможных предчувствий, в том числе стилистических. Мы недооцениваем и чисто психологическую насыщенность старой русской поэзии, часто проявляющуюся даже у малых, второстепенных ее представителей. Но когда академик Жирмунский выдвигал свой тезис о творчестве Анны Ахматовой как о соединительном звене, о мосте между русской классической двенадцатого столетия и новым искусством, искусством двадцатого века он разумел не в последнюю очередь и русскую поэтическую классику. Заставляющая вспомнить искусство древних греков, пушкинская гармония веет над лучшими произведениями Ахматовой. И в этом чувстве глубинную приверженность поэтессы заветам классиков. Но какие то клеточки, какие то зерна стиля Ахматовой можно встретить и у второстепенных поэтов прошлого.

Тихо я бреду одна по саду,
Под ногами желтый лист хрустит,
Осень льет предзимнюю прохладу,
О прошедшем лете говорит.
Говорит увядшими цветами,
Грустным видом выжатых полей

И холодными, сырыми вечерами, —
Всей печальной прелестью своей.

Эти строки — из стихотворения Юлии Жадовской, автора хрестоматийного «Нива, моя нива». В них, разумеется, нет чарующего, необычайно красивого ахматовского «звуча», чудесной ахматовской фонетики, нет ахматовской заостренности и движения, но есть определенные совпадения в «походке», в структуре поэтической фразы, в колорите...

Мы говорим о связях поэзии Ахматовой с девятнадцатым веком. Но Ахматова не была бы большим поэтом, если бы в ее творчестве не отделились, не записались те завоевания, каких добились русское искусство, и в частности поэзия, в нашем столетии. Это прежде всего новое умение владеть цветом, краской, умение скупой, но выразительно обрисовать предмет, передать пластику видимого и — в тесном единстве со всем сказанным — новая, гораздо большая смысловая нагрузка слова, его сгущенность, лапидарность. И здесь Ахматова — выдающийся мастер. Она выработала и сохранила свой стиль, живя рядом с сильными поэтическими индивидуальностями в те времена, когда существовали и действовали различные поэтические «школы». Уже по самой характерной ритмике ахматовское стихотворение всегда отличишь, отличишь в потоке поэзии начала века.

Требует дополнительного разбора довольно спорный вопрос, решаемый историками литературы по-разному: является ли поэзия Ахматовой типичной, образцовой для акмеистов, или она «вырывается» из канонов акмеистической школы, оказавшись в ней как бы случайной? Ждут своего освещения, в частности, и такие проблемы, как «Ахматова и Кузмин», «Ахматова и Бунин».

Вопреки негативным устным высказываниям Ахматовой о творчестве Бунина, сосуществование двух параллельных реалистических струй в поэзии начала века — бунинской и ахматовской — не могло обойтись без какого то взаимного «опыления». Стоит только взглянуть на стихотворение Бунина «Поэту» (1915) как приходят на память ахматовские амфибрахии «Рахили» и другие ее библейские стихи.

В глубинах колодезь вода холодна,
И чем холоднее, тем чище она.
Пастух нерадивый напьется из лужи
И в луже напоит отару свою,
Но добрый опустит в колодезь бадью,
Вербку и веревку привяжет потуже...

Анна Ахматова прожила долгую жизнь, творчество ее претерпело значительную эволюцию. На склоне лет, как это нередко бывает с поэтами, многие из написанного ею в молодости она осуждала, не любила. Перед лицом развернувшихся огромных социальных катаклизмов Анна Ахматова стремилась воплотить в своем слове видение истории. Грозная поступь истории сочеталась в ее поздних стихах с высокой этической требовательностью, с настоящим судом над прошлым, свидетельством чему служит ее «Поэма без героя». Духовный максимализм, дававший себя знать у Ахматовой издавна, стал неременной чертой ее стихотворений.

Одни глядят в ласковые вечерами,
Другие пьют до солнечных лучей,
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью своей.

В суровые годы Отечественной войны и даже несколько раньше в поэзии Ахматовой открыто звучали активные гражданственные ноты. В стихотворении «Мужество» (февраль 1942 г.), расклеиваемом в ту пору по стенам домов осажденного Ленинграда, как бы говорила душа разгневанного народа, защищавшего свое право на жизнь и свободу... Таков был путь поэта, прочерченный от замкнутых литературных кружков и эстетских аристократических кафе к многомиллионному советскому читателю, к целому народу.

Родная земля — как много значили эти слова для поседшей, умудренной годами, с великим достоинством державшейся русской поэтессы, до самой кончины сохранившей художественную зоркость своих светлых зеленых глаз! Талант ее не старел, каждое ее новое стихотворение было свежо и несло в себе поэтическое открытие. Ее, по выражению Ник Рыленкова, «воля к самовозрождению» и глубокая осознанность миссии поэта, ответственного перед Родиной и народом, ее гуманизм были той почвой, которая питала раскинувшееся почти на целое полуостровие чудесное ахматовское творчество «Фонанный Дом» в городе на Неве, где долгие годы жила поэтесса, воспевшая его гранитные набережные, словно бы жде мемориальной стелы в ее память. Имя ее прочными лирами записано в летописи русской литературы. Можно не сомневаться в том, что поэзия Анны Ахматовой будет всегда нужна людям.

Автографы поэта

Несколько до сих пор не опубликованных автографов А. Ахматовой хранятся в архиве С. А. Толстой-Есениной, внуки великого русского писателя. Вот один из них:

«Дорогая София Андреевна,
Благодарю Вас за гостеприимство. Мне было очень хорошо с Вами. Адрес мой: Фонтанка, 34, кв. 44, тел. 2-12-40.

Ваша Ахматова

Стихи в Вашем альбоме не те кажутся, но это ничего...

На обороте записи дата: «13.VII 32».

Упомянутые стихи собственноручно вписаны в тот день А. Ахматовой в альбом С. А. Толстой-Есениной. Стихотворение «Тан просто можно жизнь поинуть эту» было опубликовано в 1968 году в третьем номере журнала «Подъем». Сравнивая текст публикации с автографом, нетрудно заметить разночтения. Их можно объяснить тем, что стихи были записаны А. Ахматовой в альбом по памяти.

Первые две строки в публикации:

Так просто можно жизнь
покинуть эту.

Бездумно и безбольно
догореть.

3 автографа:

Так можно жизнь
покинуть эту.

Беспечно и бездумно
догореть.

Вторая строка второго четверостишия в публикации:

Небесные откроет рубежи.

В автографе:

Священные откроет рубежи.

Под опубликованным стихотворением стоит дата: «1925». В автографе под стихотворением дата, поставленная рукой А. Ахматовой: «1926».

Стихотворение может быть воспринято в известной мере как отклик на смерть Есенина. Так позволяют думать заключительные строки:

Иль хриплый ужас
лапою косматой
Из сердца, как из губки,
выжмет жизнь,

— и то обстоятельство, что стихотворение оставлено на память вдове поэта.

Известно, что С. Есенин и А. Ахматова были лично знакомы. В 1965 году ленинградские литературоведы А. П. Ломан и Н. И. Хомчун опубликовали краткий рассказ А. Ахматовой о ее первой встрече с Есениным.

Рассматривая графический портрет С. Есенина, выполненный в 1915 году В. Юнгером, А. Ахматова сказала:

«Именно таким приезжал Есенин ко мне в Царское Село в рождественские дни 1915 года. Немного застенчивый, беленький, кудрявый, голубоглазый и донельзя наивный... Володя Юнгер удивительно точно передал выражение его глаз. Да, таким я увидела его в первый раз».

Кроме этого стихотворения, в альбоме С. А. Толстой-Есениной рукой А. Ахматовой воспроизведено ее двестише, ставшее ныне хрестоматийно известным:

От других мне хвала —
что зола,
От тебя и хула — похвала.

С авторской датой — «1931. Май» и припиской: «Записано 13 июля 1932 г. Москва. Ахматова».

Впервые опубликованное в 1940 году в ленинградском журнале «Звезда» (№ 3—4), оно затем неоднократно воспроизводилось в сборниках. В 1976 году в сборнике «Стихотворения и поэмы», вышедшем в большой серии «Библиотека поэта», под стихотворением впервые появилась дата «1931 г.». В комментариях отмечено, что Н. Л. Диланторская, переписывая это стихотворение по указанию А. Ахматовой, поставила под ним дату: «Весна 1931 года». Теперь автор автограф стихотворения, вписанный в альбом С. А. Толстой-Есениной, позволяет назвать дату создания этого стихотворения, поставленную самим автором, — «1931. Май».

Виталий ВДОВИН